

Елена Иванян

Значение умолчания как функционально-семантическая категория

Acta Universitatis Lodzianis. Folia Linguistica Rossica 11, 49-56

2015

Artykuł został opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

Елена Иванян

*Поволжская государственная социально-гуманитарная академия,
кафедра русского языка, культуры речи и методики их преподавания (Россия)*

ЗНАЧЕНИЕ УМОЛЧАНИЯ КАК ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ

Умолчание как недоговаривание содержится во множестве, образуемом переходными состояниями между контрадикторными полюсами «речь – молчание», по отношению к которым выступает контрарной противоположностью.

Значение умолчания имеет давнюю традицию изучения. В русистике его исследование началось в поэтике (Квятковский 1966), риторике (Волков 2001), стилистике (Сковородников 2003), то есть прикладных науках, где данное значение характеризовалось как фигура речи (Гальперин 1958). В. В. Виноградов описал умолчание в художественной речи. Классик русского языкознания говорил о «новых, оригинальных приёмах выражения душевной жизни, вытекающих из приёмов изображения, основанных на умолчаниях». В частности, В. В. Виноградов показал, что А. С. Пушкин первым в русской литературе применил умолчание, которое предполагает «изображение предмета, действия посредством называния сопутствующих явлений или сразу результатов событий» (Виноградов 1941: 60–62). Учёный говорит о метонимических подраумеваниях, показывает, как в «Кавказском пленнике» такой способ словоупотребления применяется А. С. Пушкиным впервые в изображении самоубийства черкешенки:

(1) Вдруг волны глухо зашумели,/ И слышен отдаленный стон.../ На дикий берег выходит он,/ Глядит назад... берега яснили/ И опененные белели;/ Но нет Черкешенки молодой/ Ни у берегов, ни под горой.../ Всё мёртво... на берегах уснувших/ Лишь ветра слышен легкий звук,/ И при луне в водах плеснувших/ Струистый исчезает круг.

В работе В. В. Виноградова показано, как современники А. С. Пушкина, в частности Олин, исследуют новый приём поэта в русской литературе, сопоставляют этот приём с перифразой (Виноградов 1941: 64). В настоящее время этот стилистический приём квалифицируется как разновидность ме-

тонимии, металеписис; общее с перифразой у данного приёма то, что, как и перифраза, металеписис имеет форму загадки.

В загадке, как известно, содержится подсказка («ключ»), для перифразы таким ключом является указание на существенный признак описываемого предмета или явления, см., напр. перифразу о верблюде: *корабль пустыни*. Ключ-подсказка – слово *пустыня*. В приведённом примере о самоубийстве Черкешенки ключ-подсказка – слово *мёртвый* нарочно, для усложнения соотносится по типу координации с подлежащим *всё*. Номинальное значение словоформы *мёртво* – ‘тихо, без движения’. Однако в тексте актуализировано и другое значение, реальное, которое в рамках семантического континуума корреспондирует уже не к *брегам*, а к случившемуся с Черкешенкой. Это и есть ключ-подсказка читателю.

Примечательно, что аналогичный приём (металеписис, перифрастическая загадочность описываемого, ключ-подсказка при помощи существенного признака, который корреспондирует другому денотату) употребляет Ф. М. Достоевский в сцене косвенного описания смерти Настасьи Филипповны в доме Рогожина романа «Идиот»:

(2) [Рогожин привёл Мышкина в свой дом, но не говорит, где Настасья Филипповна и что с ней произошло] – *Тут темно, – сказал он./ – Видать! – пробормотал Рогожин./ – Я чуть вижу... кровать./ – Подойди ближе-то, – тихо предложил Рогожин./ Князь шагнул еще ближе, шаг, другой, и остановился. Он стоял и всматривался минуту или две; оба, во всё время, у кровати ничего не выговорили; у князя билось сердце так, что, казалось, слышно было в комнате, при **мёртвом** молчании комнаты. Но он уже пригляделся, так что мог различать всю постель; на ней кто-то спал, совершенно неподвижным сном; не слышно было ни малейшего шелеста, ни малейшего дыхания.(...) Князь глядел и чувствовал, что, чем больше он глядит, тем еще **мертвее** и тише становится в комнате.*

В (2) видим тот же приём – совокупность средств выражения семантики умолчания. Металеписис представлен описательными оборотами, называющими второстепенные признаки изображаемого; ключ-подсказка – слово *мёртвый*, который корреспондирует сразу двум денотатам: 1) мёртвое молчание комнаты (‘тишина’); 2) мёртвая Настасья Филипповна. Отрицательная синтаксическая конструкция; в связи с отрицательной частицей *не* частица *ни* получает усилительное значение. Ср. в (1): несколько примеров металеписиса (называния предшествующего или последующего табуируемому действия), отрицательная конструкция со словом *нет*, частица *ни*, приобретающая в контексте усилительное значение. Следовательно, Ф. М. Достоевский творчески развивает приём А. С. Пушкина.

В целом В. В. Виноградов придерживался широкого взгляда на понятие умолчания. При узком понимании умолчание уравнивается с недоговариванием конца фразы – апозиопезой (Ахманова 1969; Волков 2001; Мокиенко

1994; Филиппова 2012). Такого понимания придерживаются и литературоведы, см. определение понятия умолчания в «Словаре литературоведческих терминов» С. П. Белокуровой: «Умолчание – стилистическая фигура, оборот речи, в котором автор сознательно оставляет мысль недосказанной, предоставляя читателю возможность самому догадаться, какие слова не произнесены: „Нет, я хотел... быть может, вы... я думал, // Что уж барону время умереть” (А. С. Пушкин)», (см.: Белокурова 2005).

С последней четверти XX в. значение умолчания в русистике начинают рассматривать в различных аспектах: в прагмалингвистическом (Крестинский 1999; Пузанова 1998), в контексте со средствами невербальной коммуникации (Аданакова 1989), в текстовом аспекте (Каирбекова 1988). В это же время происходит осознание того, что семантика умолчания – это самостоятельное значение со своей системой средств выражения; упоминание об этом встречаем в работах (Вороновская 1984; Акимова 1999). В 2002 г. выходит монография «Семантика умолчания и средства её выражения в русском языке», в которой категория умолчания впервые в русистике дана как самостоятельный предмет исследования. Умолчание сопоставлено с такими сходными понятиями, как апозиопезис, смысловой пропуск, эллипсис, эопова речь, подтекст, вуалирование референции, молчание, эвфемия, ложь, дезинформация, неопределенность (Сеничкина 2002).

План выражения функционально-семантической категории умолчания передаёт сигнификативную ситуацию мнимой неопределенности, поскольку при употреблении названного значения адресант знает, о каком предмете, признаке, явлении действительности идёт речь. Следовательно, мнимая неопределенность сигнификативной ситуации (предмета, признака, положения дел) базируется на фактической определённости. Семантическим инвариантом значения умолчания является трёхсемный комплекс: 1) формальная возможность выбора; 2) неотожествленность; 3) определенная, но не называемая данность (реализация умалчивания). Например:

(3) – *Дай Бог только, чтобы князь Кутузов, – сказала Анна Павловна, – взял действительную власть и не позволял бы никому вставлять себе палки в колёса.../ Князь Василий тотчас понял, кто был этот никому. Он шёпотом сказал: – Я верно знаю, что Кутузов, как неперемное условие, выговорил, чтобы наследник-цесаревич не был при армии (Л. Толстой, Война и мир).*

Семантика умолчания выражения трёхсемным комплексом. Первый компонент: представлена формальная возможность выбора (напр.: никаким военачальникам, влиятельным людям и т. п.). Второй компонент: следствием формальной возможности выбора является неотожествленность лица. Третий компонент: всё же и отправителю речи, и адресату ясно, о ком идёт речь (это определённое лицо, наследник-цесаревич).

Семантический инвариант значения умолчания репрезентируется в двух парадигматических микрополях: 1) собственно умолчания ('знаю, но не называю') и 2) умолчания-намёка ('знаю, не называю, догадайтесь'). Характеризуемые микрополя находятся в привативных отношениях по признаку «наличие – отсутствие намёка на умолчание». Лексико-грамматическим показателем намёка в русском языке активно используются неопределённые местоимения с формантом *кое-*, напр.:

(4) *Совершенно случайно в сети промелькнула инфа по поводу этого объекта. Естественно захотелось его посетить, пока «кузмичи» и прочие кавесы не растащили его по своим норам с жадной улыбкой поперек лица. **Кое-кто** (не будем показывать пальцем кто именно, но многие, думаю сразу догадались) не то случайно, не то специально запалил фотографию фасада и название объекта (позже название потеряли, но добрый дядя яндекс успел сохранить его в своем кэше) (Заброшенный санаторий: http://blog.dros.ws/article/zabroshennyy_sanatoriy/).*

В (4) актуализировано сразу два средства выражения семантики умолчания, и оба – с намёком: неопределённое местоимение *кое-кто* и фразеологизм *не буду/будем показывать пальцем*.

В устной коммуникации подмигивание является паралингвистическим средством передачи значения умолчания с компонентом намёка. В художественной речи подмигивание служит своеобразным символом намёка, см. блистательный пример Н. В. Гоголя в описании прокурора:

(5) *Нельзя утаить, что почти такого рода размышления занимали Чирикова в то время, когда он рассматривал общество (...): прокурора с весьма густыми чёрными бровями и несколько **подмигивающим** левым глазом так, как будто бы говорил: «пойдём, брат, в другую комнату, там я тебе что-то скажу» (Мёртвые души).*

В (5) представлен комплекс средств выражения семантики умолчания: отрицательная синтаксическая конструкция с семантикой тайны; неопределённое местоимение *что-то*, архетипически значимая символика левого (глаза), семиотический образ подмигивания.

Продолжением изучения семантики умолчания как самостоятельной функционально-семантической категории явилась диссертация В. В. Андреева «Средства выражения семантики умолчания в произведениях З. Н. Гиппиус». В цикле статей и собственно квалификационной работе В. В. Андреева был охарактеризован богатый и разнообразный план выражения семантики умолчания в художественном тексте (Андреев 2007).

Изучение категории умолчания во втором десятилетии XXI в. позволяет сделать некоторые уточнения и обобщения.

I. Характеризуя синтаксические средства выражения семантики умолчания, следует говорить не только об апозиопезе (пропуске конца высказывания), но и о пропсиопезе (пропуске начала высказывания, и об эллипси-

се (пропуске слова или выражения) с целью усилить выразительность, что и соответствует родовому понятию умолчания. Проиллюстрируем сказанное, вновь обратившись к сцене из романа Ф. М. Достоевского:

(6) [Рогожин приводит князя Мышкина домой, не сообщая, что произошло с Настасьей Филипповной] – *Где же... Настасья Филипповна? – выговорил князь задыхаясь.*

– *Она... здесь, – медленно проговорил Рогожин, как бы капельку выждав ответить.*

(7) – *Где же?*

Рогожин поднял глаза на князя и пристально посмотрел на него:

– *Пойдем...*

В (6) многоточием маркированы эллипсисы; в (7) – неполные предложения являются апозиопезой.

Помимо синтаксических средств выражения семантики умолчания существуют и лексико-грамматические средства – неопределённые местоимения, которые в художественном тексте активно актуализируют названное значение, см. (1), (4), (5). См. также другие знаки неопределённости, которые являются средством выражения семантики умолчания:

(8) *Спавший был закрыт с головой белой простыней, но члены **както** неясно обозначались; видно только было, по возвышению, что лежит протянувшись человек. Кругом в беспорядке, на постели, в ногах, у самой кровати на креслах, на полу даже, разбросана была снятая одежда, богатое белое шелковое платье, цветы, ленты. (...) В ногах сбиты были в комок **какие-то** кружева, и на белевших кружевах, выглядывая из-под простыни, обозначался кончик обнаженной ноги; он казался как бы выточенным из мрамора и ужасно был неподвижен.*

В (8) семантику умолчания передают и операторы кажимости *как бы*, и словоформа *казался*.

II. Анализ бытования семантики умолчания в современном русском дискурсе показал, что время второго десятилетия XXI в. характеризуется: 1) продолжающейся активностью металеписического выражения семантики умолчания, напр.:

(9) *Начнем с явного бреда. «Геном является не столько набором аминокислот, сколько носителем голографической волновой структуры, о которой обычная генетика или не догадывается или совершенно смутно и непонятно» (стиль оригинала сохранен). Правильный ответ на подобные реплики — «до свидания». Не стоит тратить время на беседы с людьми, которые рассуждают о переднем крае науки, не освоив школьный курс (ГМО: городские мифы. Е. Клещенко (2012), «ХиЖ», №7).*

2) активностью лексических средств выражения семантики умолчания (эвфемизмов) при помощи приставки *не-*, напр.:

(10) [Из откровений редактора коммерческого издательства художественной литературы:] *Если текст – дерьмо, я говорю «неформат», зачем мне пускаться в объяснения с автором* (Запись 2014 г.);

Попутно заметим, что образование эвфемизмов при помощи отрицательной приставки *не-* можно назвать ведущим способом, который фиксируется значительным числом примеров ещё в «Этимологическом словаре русского языка» М. Фасмера;

3) пополнением лексических средств выражения семантики умолчания:

а) во втором десятилетии XXI в. в русском дискурсе более обширной и разнообразной становится тематическая группа эвфемизмов старения (Лаптев 2015);

б) в сфере торгового дискурса формируется новая тематическая группа рекламной части ценников и этикеток (Иванян 2015);

4) активным развитием иронических эвфемизмов, в частности вызванных бурным ростом Интернет-коммуникаций, напр.: (11) *«В России нет законодательства, регулирующего производство и продажу продуктов из ГМО». Про людей, делающих подобные утверждения, в Сети говорят, что их «забил гугл» — то есть они не хотят или не могут получить информацию, которую поисковая система Google находит за секунды* (ГМО: городские мифы. Е. Клещенко (2012), «ХиЖ», №7).

Таким образом, семантика умолчания в русистике прошло несколько этапов изучения: от описаний прикладного характера в риторике, стилистике, поэтике, до исследования её в различных аспектах: прагмалингвистическом, в контексте средств невербальной коммуникации, в текстовом аспекте, в языке художественных произведений.

К концу XX в. в русистике созрело понимание того, что семантика умолчания являет собой самостоятельное функционально-семантическое значение со своим планом выражения – иерархически организованной системой. План выражения семантики умолчания представлен на разных уровнях языка, в частности лексическом и грамматическом.

Изучение бытования значения умолчания в русском дискурсе XXI в. показало, что остаются активными ведущие способы образования эвфемизмов (лексических средств выражения семантики умолчания): металеписис, образование эвфемистических номинаций при помощи префикса *не-*. Значительное пополнение испытывают тематические группы эвфемизмов старения и иронических заменяющих наименований. Последнее обусловлено экстралингвистическими причинами: глобализацией и бурным ростом Интернет-коммуникаций.

В целом энергичное обновления активной лексики в современном русском дискурсе делает актуальным продолжение изучения данной категории.

Библиография

- Аданакова В. И. (1989), *Стилистический потенциал кинематических речений*, «Автореферат диссертации ... кандидата филологических наук», Ленинград, 18 с.
- Акимова О. Б. (1999), *Семантика неизвестности и средства её выражения в русском языке*, Москва, 168 с.
- Андреев В. В. (2007), *Средства выражения семантики умолчания в произведениях З. Н. Гиппиус*, «Автореферат диссертации ... кандидата филологических наук», Самара, 184 с.
- Ахманова О. С. (1969), *Словарь лингвистических терминов*, Москва, 608 с.
- Белокурова С. П. (2005), *Словарь литературоведческих терминов*, Санкт-Петербург: Электронная версия: <http://www.gramma.ru/LIT/?id=3.0> (дата обращения: 14.04.2015).
- Виноградов В. В. (1941), *Стиль Пушкина*, Москва, 620 с.
- Волков А. А. (2001), *Курс русской риторики*, Москва, 480 с.
- Вороновская И. В. (1984), *Функционально-семантическая категория неопределенности в современном русском языке*, «Автореферат диссертации ... кандидата филологических наук», Ленинград, 16 с.
- Иванян Е. П. (2015), *Репрезентация семантики умолчания в современном русском дискурсе*, [в:] «Русский язык в контексте межкультурной коммуникации. Всерос. очно-заочн. научно-практ. конф., посв. 85-летию кафедры русского языка, культуры речи и методики их преподавания (сборник статей)», Калининград, 6 с.
- Квятковский А. (1966), *Умолчание*, «Поэтический словарь», Москва, 375 с.
- Каирбекова Р. К. (1988), *Прагматический эффект недоговаривания*, «Прагматика и стилистика текста», Алма-Ата, с. 83–86.
- Крестинский С. В. (1999), *Акт молчания и постулаты речевого общения*, «Тверской лингвистический меридиан», выпуск 2, Тверь, с. 75–80.
- Лаптев И. В. (2015), *Эвфемизмы тематической группы «старение» в языке рекламы*, [в:] «Русский язык в контексте межкультурной коммуникации. Всерос. очно-заочн. научно-практ. конф., посв. 85-летию кафедры русского языка, культуры речи и методики их преподавания (сборник статей)», Калининград, 5 с.
- Мокиенко В. М. (1994), *Русская бранная лексика: цензурное и нецензурное*, «Русистика», Берлин, №1/2, с. 50–73.
- Пузанова О. В. (1998), *Прагматика и семантика умолчания*, «Автореферат диссертации ... кандидата филологических наук», Санкт-Петербург, 18 с.
- Сеничкина Е. П. (2002), *Семантика умолчания и средства её выражения в русском языке*, Москва, 307 с.; 2-е издание: Иванян Е. П. (2015), *Семантика умолчания и средства её выражения в русском языке*, Москва, 307 с.
- Сковородников А. П. (2003), *Риторический прием*, «Стилистический энциклопедический словарь русского языка», Москва, с. 366–373.
- Филиппова О. А. (2012) *Обучение эмоциональному речевому воздействию* (учебное пособие), Москва, 180 Кб.

Elena Ivanyan

FUNCTIONAL-SEMANTIC CATEGORY OF APOSIOPESIS

(Summary)

The meaning of default is shown in the article in the historical background aspect of its linguistics studying and, in particular, in Russian philology; as independent functional and semantic category of Russian. Modern features of this category's existing in Russian discourse of the XXI century second decade are described in the article. The research theoretical points are followed by the linguistic analysis of semantics default's functioning illustrative material (on A. S. Pushkin's and F. M. Dostoyevsky's creativity material and usage examples from modern Russian discourse).

Keywords: *functional and semantic category of default.*

Елена Иванян

ЗНАЧЕНИЕ УМОЛЧАНИЯ КАК ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ

(Резюме)

Значение умолчания показано в статье в аспекте истории вопроса его изучения в лингвистике и, в частности, в русистике; как самостоятельная функционально-семантическая категория русского языка. В статье описаны современные черты бытования этой категории в русском дискурсе второго десятилетия XXI в. Теоретические положения исследования сопровождаются лингвистическим анализом иллюстративного материала функционирования семантики умолчания (на материале творчества А. С. Пушкина, Ф. М. Достоевского и примеров употребления из современного русского дискурса).

Ключевые слова: *функциональная и смысловая категория умолчания.*